Андрей Тициан

Московские приходы конца XIX — начала XX в.: соотношение между православными жителями города, участвовавшими и не участвовавшими в таинствах исповеди и причастия

DOI: http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-315-342

Andrey Titsian

Moscow Parishes in the End of the 19th — Beginning of the 20th Centuries: Share of Believers Participating in Sacraments of Confession and Communion Among Urban Orthodox Citizens

Andrey Titsian — Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University (Russia). oren-konsp@yandex.ru

In this paper the author considers the proportion between Orthodox city people, who did or did not take part in sacraments of confession and communion in Moscow parish churches at the turn of the 19th and 20th centuries. The study is based upon a sample of data about the numbers of parishioners, which was collected from confession and clerical lists stored in the Central State Archive of Moscow. Significant changes over the period between 1897 and 1913 were discovered: the share of those recorded in confession lists decreased from 30% to 15%. While this reduction was conditioned to a large extent by the growth of the population, statistical tests proved significant differences between samples and proved the decrease of the number of parishioners.

Keywords: parish, parish church, Moscow Orthodox churches, population of Moscow, confession lists, clerical lists, confession, communion.

Ежегодные исповедь и причастие вменялись в обязанность всем православным подданным Российской империи, достигшим семилетнего возраста. Такая правовая норма была введена еще указом Петра I от 8 февраля 1716 года «О хождении на исповедь повсягодно, о штрафе за неисполнение сего правила, и о положении на раскольников двойного оклада»[1]. Впоследствии она не раз утверждалась в различных законодательных актах — например, в Духовном регламенте[2] — пока не закрепилась окончательно в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений, впервые изданном в 1832 году в 14 томе Свода законов Российской империи[3]. По мнению исследователей, также и ряд других правовых норм, существовавших в российском законодательстве, обуславливал невозможность сколь-нибудь долгого игнорирования этой обязанности:

> Если судить по российскому законодательству, человеку, ни разу не бывшему на исповеди или не исполнявшему этот долг в течение продолжительного времени, довольно сложно было скрывать этот факт от начальства и вообще жить обычной жизнью в течение нескольких лет. Вопрос о посещении исповеди был одним из первых и обязательных для попавшего под арест. И даже если речь шла всего лишь об одном свидетельстве, то и здесь человеку, ни разу не бывшему у исповеди и причастия не разрешалось выступать свидетелем ни в гражданских, ни в уголовных делах. Конечно,

1. ПСЗРИ(1). Т. V. 8 февраля 1716 г. № 2991.
2. «Должен всяк Христианин и часто, а хотя бы единожды в год причащатися святой Евхаристии. (...) Того ради, аще который Христианин покажется, что он весьма от Святаго Причастия удаляется, тем самым являет себе, что не есть в Теле Христове, сие не есть сообщник Церкви, но раскольщик. И несть лучшаго знамения, почему познать раскольщика» (ПСЗРИ(1). Т. VI. 25 января 1721 г. № 3718). Законодательные нормы, затрагивавшие данный вопрос на протяжении XVIII века, подробно рассматриваются в данной статье: *Алексеева Н.В.* Формирование законодательной базы в России при попытке установления контроля над церковной исповедью в XVIII в. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 2(1). С. 23–26. Особенности практики причащения в синодальный период затрагиваются также в работе Алексея Беглова: *Беглов А.* Практика причащения православных прихожан советской эпохи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 38–43.
3. Начиная с редакции 1876 года, эти нормы содержались в 20 и 21 статьях: «20. Всякий православный должен хотя однажды в год исповедаться и приобщиться Св. Таин по обряду Христианскому, в пост, или в иное время. 21. Детей обоего пола приводить на исповедь, начиная с семилетнего их возраста, ежегодно» (Устав о предупреждении и пресечении преступлений с разъяснениями по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. М., 1879).

> можно было прожить всю жизнь, не соприкасаясь с гражданскими и уголовными делами. Но и в этом случае вопроса об исповеди было не избежать. При вступлении в брак будущие супруги должны были подать приходскому священнику «ходатайство о повенчании брака» и собрать документы («брачный обыск»), среди которых были: разрешение родителей, сведения о возрасте, социальном положении, вероисповедании, психическом здоровье брачующихся, о том, не состоят ли они в духовном или кровном родстве, свойстве, а также справка о посещении ими исповеди и причастия. Государственные учреждения периодически подавали священникам списки работающих у них лиц, а священники отмечали бытие-небытие на исповеди[4].

Конечно, это правовое предписание скорее служило выражением и закреплением некой культурной нормы[5], существование которой было обусловлено той ролью, которую Русская православная церковь играла в обществе Российской империи как минимум до наступления революционных событий:

> Церковь, без всякого сомнения, выполняла интегрирующую роль в раннесовременной России, проповедуя божественное происхождение власти монарха и способствуя определению ключевых символов политической культуры. Она также претендовала на обладание большим влиянием на верующих — влиянием, которое церкви удавалось сохранять на протяжении значительной части начала двадцатого века, когда народные массы еще демонстрировали высокий уровень соблюдения религиозных обычаев — и воздействовала на мирян непрерывным потоком литургий, проповедей, объявлений и религиозных уроков в школах. (...) Для православного большинства религиозная культура сохраняла свою традиционную значимость, не только образуя национальную идентичность и социальные установки, но также пронизывая своим содержанием поли-

4. *Погодаева И.А.* Исполнение долга исповеди и причастия в Иркутске в XIX в. // Конфессии народов Сибири в XVII — начале XX в.: развитие и взаимодействие / Материалы Всероссийской научной конференции (3–4 февраля 2005 года). Иркутск, 2005 [http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/sb-confess/2_6.html, доступ от 06.07.2018].

5. Здесь будет уместным вспомнить формулировку Дюркгейма: «Нормально нравы не противоположны праву, но, напротив, суть основания его» (*Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 72).

тический дискурс и культуру, разделяемую широкими массами православных верующих[6].

Однако вопрос о том, действительно ли все православные подданные империи исполняли хотя бы минимум религиозных предписаний, отнюдь не снимается ссылками на эти факты. Во-первых, за 105 лет существования вышеуказанной правовой нормы — т. е. с 1801 года, когда штрафы за пропуск исповеди и причастия были отменены[7], и до 1906 года, когда была отменена сама обязанность[8], — в законодательстве так и не была четко прописана какая-либо другая санкция за уклонение от исповеди и причастия; а главное — оно не влекло за собой признание человека отпавшим от православия. Третье отделение Уложения о наказаниях уголовных и исправительных — «Об уклонении от исполнений постановлений церкви» — содержало лишь размытую формулировку: «Лица Православного исповедания, уклоняющиеся от исповеди и причащения Св. Таин, по нерадению или небрежению, подвергаются: церковным наказаниям по усмотрению и распоряжению духовного епархиального начальства, с наблюдением токмо, чтоб при сем не были надолго отлучаемы должностные от службы, а поселяне от домов и работ своих»[9]. Не был прописан и механизм контроля над соблюдением этого правила. Обязанность сообщать о лицах, пропустивших в течение года исповедь и причастие, была возложена на приходского священника, и без того заваленного огромным перечнем отчетности[10]: «Приходские священники о всех прихожанах,

6. Freeze, G. (1996) "Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia", *The Journal of Modern History* 68(2): 308–309.

7. Согласно указу «О наказывании людей Грекоросийского исповедания за уклонение от исповеди и Святого причастия, вместо денежного штрафа, церковным покаянием» (ПСЗРИ(1). Т. XXVI. 18 января 1801 г. № 19743).

8. По Продолжению 1906 года Свода законов Российской империи статьи 20 и 21 Устава о предупреждении и пресечении преступлений объявлялись исключенными (см.: Свод законов Российской империи / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Т. XIV. Раздел 1. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1912. Ст. 20–21).

9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / под ред. Н.С. Таганцева. СПб, 1908. Ст. 208. То же и в 24 статье Устава о предупреждении и пресечении преступлений. В 1906 году эта норма была также отменена.

10. В списке «Годовой круг отчетности приходского священника и график предоставления самых распространенных сборов в конце XIX в.», который приводится в работе А. Л. Беглова, можно насчитать 55 наименований отчетов, установленных для приходских священников (см.: *Беглов А.Л.* Делопроизводство православного

бывших и не бывших у исповеди, обязаны доставлять в Консисторию или Духовное Правление достоверные именные ведомости по форме и в сроки, в Уставе Духовных Консисторий определенные»[11]. Но даже при условии добросовестности настоятеля[12] полное выполнение этой обязанности представлялось делом невозможным: священник, особенно служащий в городе, мог попросту не знать всех людей, живущих на территории его прихода; не существовало и прикрепления прихожан к церкви[13] — этот фактор, понятно, приобрел особое значение после отмены крепостного права.

Во-вторых, нормы, обязывающие православного подданного ежегодно исповедаться и причащаться, вряд ли были направлены на укрепление религиозной дисциплины среди мирян. Их главной задачей было выявление возможных старообрядцев[14] — такой замысел наиболее четко прослеживается в законах петровского времени. Отмена достаточно обременительных штрафов за отсутствие на исповеди и у причастия во многом стала реакцией на парадоксальный обратный эффект:

прихода Российской империи в конце XIX — начале XX в.: социальный аспект // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. № 6(39) [http://history.jes.su/s207987840001170-6-1, доступ от 06.07.2018]).

11. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Ст. 23.

12. Как видно из работы М.В. Пулькина, по крайней мере в середине XIX в. среди приходских священников существовала практика приписывать к списку прихожан, бывших у исповеди и причастия, и тех, кто на деле отсутствовал (*Пулькин М.В.* Таинство покаяния: проблемы осуществления в XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 2(4). С. 139–140).

13. «Особого закона (как в церковном, так и в светском законодательстве), на основании которого бы определялась принадлежность конкретного лица к тому или иному приходу, в XIX в. не имелось. По устоявшейся практике прихожанином каждой приходской церкви считалось лицо мужского или женского пола, имеющее свой дом в приходе и состоящее в данной крестьянской общине (или проживающее в наемной квартире). Отсутствие строгой регламентации в организации приходов, более определенного принципа территориального распределения жителей в отношении к конкретному храму вызвало множество “нестроений” в жизни городских приходов» (*Кузнецов С.В.* Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII — XIX веках: Этнографические исследования и материалы / О.В. Кириченко, Х.В. Поплавская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.М. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2002. С. 157).

14. Удачную формулировку смысла этой нормы привел А.Л. Беглов: «Само участие в таинствах выполняло роль своего рода следственного эксперимента...» (*Беглов А.Л.* Делопроизводство православного прихода Российской империи в конце XIX — начале XX в.: социальный аспект).

> А как приверженные истинно к Православной церкви редко упускают исполнение сего Христианского долга и то по стечению каковых либо обстоятельств; нерадящие же об оном единственно для избежания платежа за то штрафа, как из дел, производимых в Синоде, оказалось, объявляют себя старообрядцами, следовательно сделанная старообрядцам от платежа помянутаго штрафа свобода не только дает им пред православными выгоду; но служит некоторым слабым в вере и нерадящим о должностях Христианских поводом к удалению от Православныя церкви...[15].

Кроме того, сам повод к отмене этой обязанности может служить свидетельством тому, что законодатели беспокоились не о религиозной дисциплине самой по себе. Как было сказано выше, в уголовном законодательстве империи эти нормы были отменены с издания Продолжения Свода Законов 1906 года. Однако в качестве правовых актов, отменяющих обязанность ежегодного хождения на исповедь и причастие, указаны мероприятия, направленные на согласование некоторых постановлений уголовного законодательства с указом 17 апреля об укреплении начал веротерпимости[16]. Логически такое решение выглядит труднообъяснимым: как утверждение, что «отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий»[17], может быть связано с регламентацией религиозной практики внутри отдельной конфессии? Но если принять во внимание основное назначение нормы — выявление старообрядцев — то все встанет на свои места: с отменой вероисповедных ограничений, прежде всего в отношении старообрядчества, для светской власти исчезла необходимость регламентации исповеди и причастия.

15. ПСЗРИ(1). Т. XXVI. 18 января 1801 г. № 19743.
16. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О согласовании некоторых постановлений уголовного законодательства с указом 17 апреля 1905 года об укреплении начал веротерпимости и о введении в действие второй главы нового Уголовного Уложения» (ПСЗРИ(3). Т. XXVI. Отд. I. 14 марта 1906 г. № 27560).
17. Именной Высочайший указ, данный Сенату, «Об укреплении начал веротерпимости» (ПСЗРИ(3). Т. XXV. Отд. I. 17 апреля 1905 г. № 26125).

В-третьих, несмотря на то, что степень религиозности православного населения Российской империи в конце XIX — начале XX в. была несомненно достаточно высокой, тем не менее, и свидетели эпохи, и современные исследователи — все они отмечали проявления стихийного свободомыслия, варьировавшегося от индифферентизма до откровенного нигилизма и атеизма[18]. Эти тенденции — наиболее отчетливо проявлявшиеся среди городского населения — очевидно, не могли не повлиять на такие аспекты религиозной практики, как посещение церкви в дни богослужений, участие в таинствах.

Таким образом, вопрос о том, действительно ли все православные подданные империи исполняли хотя бы минимум религиозных предписаний — т. е. хотя бы раз в год посещали церковь для исповеди и причастия — остается актуальным и подлежит исследованию. В настоящей работе мы намереваемся рассмотреть частный случай этого вопроса на примере города Москвы в период с 1897 по 1913 год. Работа преследует две цели: во-первых, выяснить соотношение между жителями города, участвовавшими и не участвовавшими в таинствах исповеди и причастия, как по городу в целом, так и по отдельным его частям; во-вторых, рассмотреть это соотношение в динамике, выбрав в качестве крайних точек 1897 и 1913 годы, а в качестве промежуточной даты — 1907 год. Прежде чем перейти собственно к изложению результатов, необходимо остановиться как на вопросе о хронологических рамках, так и на вопросе об источниках работы.

Об источниках работы

1897 год был выбран начальной точкой по той причине, что именно за этот год доступны наиболее полные и подробные данные о населении Москвы, собранные во время переписи населения. 1913 год являлся последним относительно спокойным годом как для империи в целом, так и для Москвы в частности. События последующих лет, очевидно, не могли не повлиять и на миграционные процессы в московском регионе, изменение состава населения, и на религиозные практики (что могло выражаться в изменении социально-демографического профи-

18. *Андреева Л.А.* Феномен религиозного индифферентизма в Российской империи // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 114–124.

ля прихожан, уровня участия в практиках и т. д.). 1907 год ознаменовался, во-первых, если не окончанием, то затуханием первой русской революции и осознанием обществом ее последствий. Во-вторых, это был первый год после окончательного утверждения свободы вероисповедания в России, которая, по мнению современников, оказала свое влияние на отпадение людей от православной церкви.

Источниками исследования служат, во-первых, архивные документы — исповедные и клировые ведомости московских приходских церквей — хранящиеся в фондах Центрального государственного архива города Москвы (далее — ЦГА Москвы)[19]. Во-вторых, данные переписей населения[20], где ключевое значение имеют материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 года. В-третьих, для определения типа и общего числа церквей Москвы использовался «Указатель московских церквей» М. Александровского[21]. В-четвертых, используются картографические источники: карта Москвы 1915 года, подготовленная товариществом Суворина; карта «Народного каталога православной архитектуры»[22]; а также сервис «Яндекс.Карты». Последние использовались для выяснения районной принадлежности того или иного храма, а также для вычисления расстояния между ближайшими храмами и расстояния от центра города[23] до каждого из храмов.

Для настоящей работы были собраны данные из всех сохранившихся исповедных и клировых ведомостей за 1897 год, которые нам удалось найти. Очевидно, что сохранность ведомостей,

19. Использовались следующие фонды: ЦГА Москвы. Ф. 203 (Московской духовной консистории), Ф. 1371 (Канцелярия епископа Серпуховского), Ф. 2121 (Церкви Замоскворецкого сорока), Ф. 2122 (Церкви Ивановского сорока), Ф. 2123 (Церкви Китайского сорока), Ф. 2124 (Церкви Никитского сорока), Ф. 2125 (Церкви Пречистенского сорока), Ф. 2126 (Церкви Сретенского сорока).

20. *Гаврилова И.Н.* Население Москвы: исторический ракурс. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2001.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. XXIV (Город Москва), в 2-х тетрадях / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1901, 1904.

21. *Александровский М.* Указатель московских церквей. М., 1915.

22. Народный каталог православной архитектуры. Город Москва [http://sobory.ru/geo/state/42, доступ от 06.07.2018].

23. Для простоты условным центром города был выбран Успенский собор Московского Кремля.

как в архиве консистории, так и, позднее, в ЦГА Москвы, была обусловлена воздействием случайных причин. Вследствие этого мы рассматриваем сохранившиеся ведомости как случайную выборку. Помимо этого, были добавлены также данные из всех сохранившихся ведомостей, которые нам удалось найти, за соседние даты — 1896 и 1898 год — чтобы в общей выборке оказалось представленным как можно больше церквей из разных районов города. Принимая такое решение, мы руководствовались тем, что число прихожан не могло сильно разниться в столь узком временном промежутке и было приблизительно равным. Для доказательства этого были собраны две парные выборки данных из ведомостей за 1897 и 1898 годы общим объемом 46 единиц. Описательная статистика по этим выборкам представлена в таблице ниже:

Год	Среднее	Ст. откл.	Мин.	Кварт. 1	Медиана	Кварт. 3	Макс.
1897	975	497	185	656	881	1152	2077
1898	989	538	190	574	896	1185	2248

Для сравнения этих двух выборок на предмет наличия между ними статистически значимых различий был применен парный тест Стьюдента[24]. Его результаты, свидетельствующие об отсутствии значимых различий, представлены ниже:

t	Df	p-value
-0,72	22	0,47

В результате, нам удалось собрать достаточно большую выборку исповедных и клировых ведомостей за 1897 год общим объемом в 92 единицы[25]. За 1907 год было собрано 86 единиц ведо-

24. Выборки были предварительно проверены на нормальность распределения. P-уровни значимости тестов Шапиро — Уилка оказались равны 0,3 и 0,21 для данных за 1897 и 1898 годы соответственно.

25. Составлено по следующим документам: ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2518, 2519, 2523, 2524, 2525, 2526, 2530, 2577; Ф. 203. Оп. 746. Д. 2377; Ф. 203. Оп. 747. Д. 523; Ф. 203. Оп. 766. Д. 221, 794; Ф. 203. Оп. 772. Д. 135; Ф. 2121. Оп. 1. Д. 41, 452, 481, 712, 835, 882, 1128, 1334, 1570, 1827; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 59, 303, 521, 616, 809, 1193, 1471, 1806, 1920, 2089; Ф. 2123. Оп. 1. Д. 138, 188; Ф. 2124. Оп. 1. Д. 1882, 2082, 2753; Ф. 2125. Оп. 1. Д. 335, 448, 1556, 1596, 1787; Ф. 2126. Оп. 1. Д. 76, 86, 467, 694, 936.

мостей[26], за 1913 год — 85[27]. Для второстепенных задач настоящей работы были собраны другие выборки — меньшего объема, о чем будет сказано ниже.

Особенности практики исповедного учета населения

По своему изначальному замыслу исповедный учет должен был фиксировать постоянное наличное население в приходах по сословиям[28]. Исповедная ведомость состояла из поименного списка всех прихожан с указанием их пола, возраста, сословия, места жительства — зачастую также с указанием степени родства между собой и места происхождения — и разделяла их на следующие категории: тех, кто был «у исповеди и у святого причастия»; бывших только на исповеди; не бывших на исповеди (экстракт — итоговая таблица — ведомости содержал такие графы, конкретизирующие причины отсутствия: «по малолетству», «по отлучкам и другим препятствиям», «по небрежению»). Отдельно указывалось общее число домовладений на территории прихода и число старообрядцев («раскольников»). Данные экстракта — в виде общего числа прихожан с разделением их по сословиям и полу, числа домовладений — переносились в клировые ведомости (в раздел «О прихожанах означенной церкви»), заполнявшиеся позднее — в ноябре. Это позволяет, в общем, относиться к исповедным и клировым ведомостям как к частично взаимозаменяемым источникам. Копия исповедной ведомости отсылалась в духовную консисторию, где составлялась общая ведомость по епархии[29].

26. Составлено по следующим документам: ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2574, 2575, 2581; Ф. 203. Оп. 746. Д. 2407; Ф. 1371. Оп. 1. Д. 17, 18, 19; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 77, 319, 526, 636, 1212, 1482, 1812, 2116, 2244; Ф. 2123. Оп. 1. Д. 157, 188, 189; Ф. 2124. Оп. 1. Д. 2101, 2313, 2760; Ф. 2125. Оп. 1. Д. 355, 1556; Ф. 2126. Оп. 1. Д. 483, 696, 954.

27. Составлено по следующим документам: ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2611; Ф. 203. Оп. 746. Д. 2451; Ф. 1371. Оп. 1. Д. 45, 46, 47; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 90, 333, 526, 648, 1220, 1491, 1818, 1943, 2128, 2260; Ф. 2123. Оп. 1. Д. 43, 167, 189; Ф. 2124. Оп. 1. Д. 1681, 1839, 2114, 2318; Ф. 2125. Оп. 1. Д. 358, 1556; Ф. 2126. Оп. 1. Д. 284, 497, 697, 960.

28. *Миронов Б.Н.* Исповедные ведомости — источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII — первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XX. Л.: Наука, 1989. С. 106.

29. Исповедные ведомости по епархии становились предметом изучения (см. напр.: *Погодаева И.А.* Исполнение долга исповеди и причастия в Иркутске в XIX в.; *Freeze G.* (2014) “Dechristianization in Holy Rus? Religious Observance in Vladimir

По факту, исповедные и клировые ведомости не отражали постоянное наличное население на территории прихода — во всяком случае, в Москве и в интересующий нас временной период — а являлись почти исключительно лишь перечнем лиц, действительно принимавших участие в таинствах исповеди и причастия в конкретной церкви. Во-первых, как мы уже говорили, приходской священник мог не знать всех лиц, проживавших на территории прихода, по причине отсутствия четких приходских границ, по причине высокой миграции населения[30], да и просто по причине того, что на одну церковь могло приходиться слишком большое число людей, чтобы их мог проконтролировать один настоятель[31]. Хотя священники иногда даже давали подписку о достоверности переданных сведений[32], ответственность за незнание — подлинное или мнимое — точного числа людей, проживающих на территории прихода, не предусматривалась. Такая ситуация отчасти послужила причиной кризиса института прихода и, вероятно, по-

Diocese, 1900–1913", in Coleman H.J. (ed.) *Orthodox Christianity in Late Imperial Russia: A source book on lived religion*, pp. 216–217. Bloomington: Indiana University Press). Однако рассмотрение выборочных данных — насколько нам известно, ранее никогда не предпринимавшееся — позволяет получать более детальную картину, как о точном числе прихожан приходских церквей, так и о соотношении этого числа с общим массивом населения. Сопоставление данных административного и церковного учета предпринимается в данной работе: *Сарафанов Д.Е.* Опыт сравнительного анализа материалов церковно-приходского и административного учетов населения (на примере населения Барнаула в XIX в.) // Демоскоп Weekly. №295 [http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0295/analit03.php, доступ от 06.07.2018].

30. По переписи 1897 года лишь 26,2% жителей Москвы были ее уроженцами (см.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. XXIV. Тетрадь 2. с. XXVIII). На промежутке 1897–1912 годов миграционный прирост населения превышал естественный в 3-4 раза (см.: *Гаврилова И.Н.* Население Москвы: исторический ракурс. С. 99). Картина еще более усложнится, если принять во внимание миграцию населения внутри городской черты.

31. Эти проблемы изначально грозили сорвать все мероприятия по введению исповедного учета: «Священники протестовали и саботировали исполнение указа, так как его исправная реализация была равносильна проведению ежегодной переписи православного населения страны силами одного приходского духовенства» (*Миронов Б.Н.* Исповедные ведомости — источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII — первой половины XIX в. С. 104).

32. Иногда она приводилась в конце ведомости. Вот пример из исповедной ведомости церкви Успения Богородицы на Вражке: «Сверх вышенаписанного в означенном приходе нашем прописных и утаенных дворов ничьих не имеется и в означенных дворах кроме вышенаписанных людей, никакого чина и возраста, и которые в сей ведомости показаны исповедавшимися, те подлинно исповедались и причастились» (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 746. Д. 2451. Л. 47 об).

творствовала пренебрежительному отношению к таинствам. Вот как это описывал в 1906 году митрополит Московский Владимир (Богоявленский):

> ... в настоящее время приходская жизнь у нас на Руси проявляется весьма слабо, а во многих местах ее и совсем нет. Здесь я разумею приходскую жизнь в больших городах. Там пастырь не знает даже, где пределы этих приходов и кто их прихожанин. В этом слове «прихожанин» выражается и вся сущность нынешних отношений пасомых к пастырям. Прихожанином считается тот, кто приходит в церковь за какой-нибудь требой, и только тогда, когда приходит. А ушел он — вместе с тем и перестал быть прихожанином. Пошел в другую церковь, к другому священнику — стал прихожанином другой церкви и другого священника. Не пошел, не ходит ни в какую церковь — перестал быть и чьим-либо прихожанином, а иногда перестал быть даже и христианином. Что может быть печальнее и гибельнее такого положения дел?[33]

Во-вторых, в число прихожан могли попасть люди, на деле проживающие вблизи совсем другой церкви. Экстракты исповедных ведомостей, равно как и раздел «О прихожанах...» в клировых ведомостях, нередко отражали также число лиц, пришедших на исповедь и причастие из других приходов — отдельно они выделялись почти всегда только в поименном списке (как «Иноприходные», «Чужеприходные», «Посторонние» и т.д.). Их число, как правило, было небольшим — где-то в пределах пяти-шести десятков человек. Именно для этих категорий людей существовали «свидетельства о бытии на исповеди», которые могли быть либо написаны от руки на простом клочке бумаги (если человек исповедался в обычной приходской церкви), либо заполняться на специальном типографском бланке с печатью[34] (такие были у крупных монастырей, куда массово ходили на богомолье). С этой бумагой священник мог допустить к причастию человека, который не был у него на исповеди.

В-третьих, об этом свидетельствует неправдоподобно низкое число людей, отмеченных не бывшими на исповеди по различ-

33. № 57, преосвященного Владимира, митрополита Московского // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Часть вторая. М.: Издательство Крутицкого подворья, 2004. С. 384.

34. См., напр.: ЦГА Москвы. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 526. Лл. 162, 163.

ным причинам: только в двух из 24 исповедных ведомостей, просмотренных за 1897 год, число отсутствовавших на исповеди превышает 2% от общего числа прихожан. Почти всегда отмечались лишь отсутствовавшие «по малолетству» (в большинстве своем дети духовенства) — т. е. священник просто сверялся с метрической книгой (или получал информацию со слов родителей) и вписывал в ведомость детей младше семи лет. Графы «по отлучкам и другим препятствиям» и «по небрежению» в подавляющем большинстве случаев пустовали вовсе. Что характерно, более тщательный учет обнаружился в приходах, лишь формально принадлежавших к городу — окраинных церквях Воскресения Христова в Даниловской слободе и Рождества Богородицы в Старом Симонове, по сути находившихся в сельской местности. Это может служить косвенным подтверждением тому, что священник на селе был ближе к своим прихожанам, лучше их знал, и имел больше возможностей контроля над ними.

Соотношение выборочных и гипотетических средних

Согласно указателю Александровского и карте Суворина, к 1897 году в пределах городской черты Москвы (без пригородов) находилось 217 приходских храмов[35]. Подсчет был произведен следующим образом: из общего числа церквей, находившихся в Москве к 1915 году (563 храма[36]), были вычтены церкви, построенные позже 1897 года, а также все не приходские. Размещение этих храмов на карте Суворина (на которой, помимо границ города, во многих местах значительно вышедших за пределы Камер-Коллежского вала, отмечены территории 17 московских частей-районов) дает картину их распределения по каждой из городских частей. Соотношение между общим числом церквей, существовавших в какой-либо части города, и числом церквей, ведомости которых попали в выборку за 1897 год, отражено в диаграмме ниже столбцами темно-серого и светло-серого цветов соответственно.

35. Это число сохранялось неизменным вплоть до конца 1913 года, когда к нему прибавился один храм — Воскресения Христа в Сокольниках (Сретенский сорок, Мещанская часть), освященный 22 декабря (см.: *Александровский М.* Указатель московских церквей. С. 57).

36. Там же. С. 68.

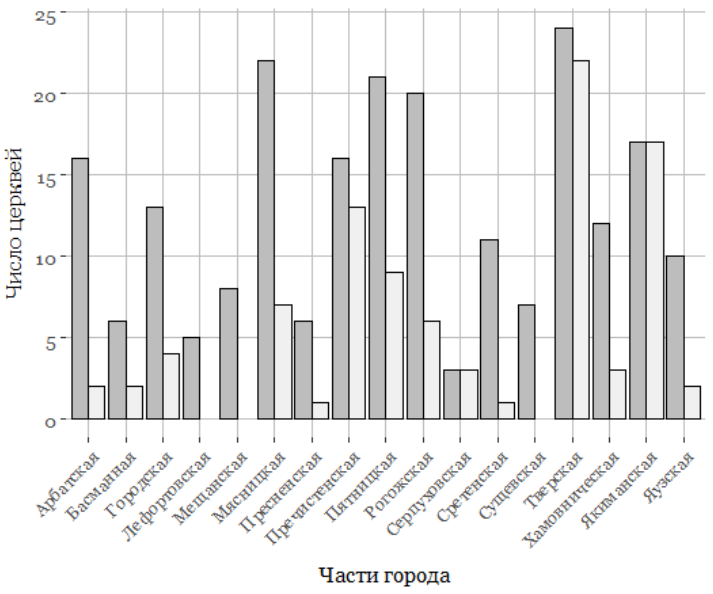

Диаграмма ниже иллюстрирует соотношения, сложившиеся на момент 1897 года[37], между общим числом жителей и числом людей, приходящихся на одну приходскую церковь в каждой части города. Эти значения мы будем называть гипотетическими средними. За общее число жителей брались все лица православного исповедания старше десяти лет[38], жившие в пределах городской черты. Оно составило 798 401 человек от 1 038 591 — 76%. Получившееся значение делилось на число церквей. Линией отмечено среднее значение по всей Москве — 3564 человека на одну церковь.

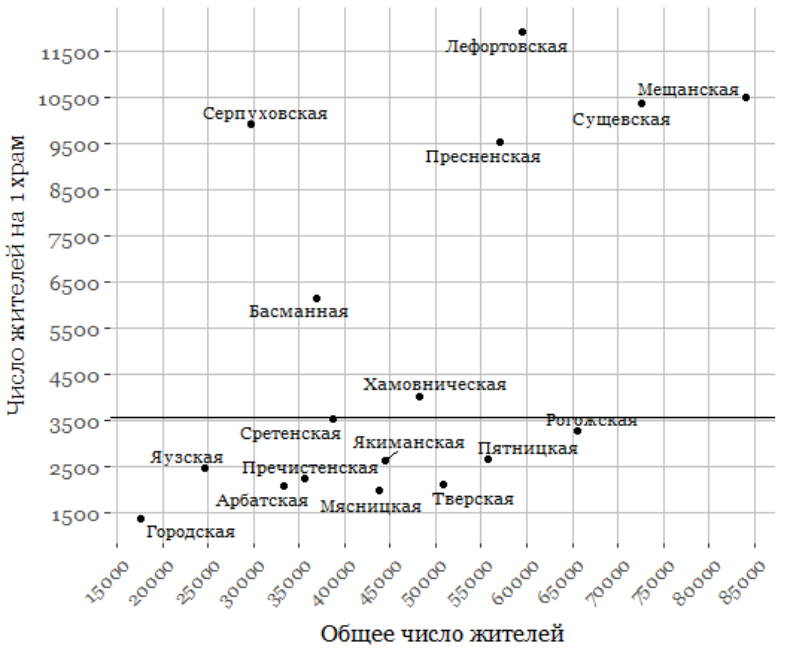
Приведенные цифры не вполне верны, ведь мы делили общее число жителей только на число приходских церквей. Но существовали и домовые церкви[39], священниками которых также со-

37. Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют узнать число людей, проживавших в каждой городской части в другие годы.

38. Подсчет велся на основании следующих таблиц переписи 1897 года: «Наличное население обоего пола» (Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. XXIV. Тетрадь 2. С. 2–3) и «Распределение населения по вероисповеданиям и десятилетним возрастным группам» (Там же. С. 264–275).

39. Число которых было достаточно велико — 201 к 1915 году (*Александровский М.* Указатель московских церквей. С. 70–71).

ставлялись исповедные и клировые ведомости. Тем не менее, мы не стали рассматривать домовые церкви наравне с приходскими по ряду причин. Во-первых, очевидно, что прихожанами домовой церкви могут стать только те люди, которые непосредственно связаны с учреждением, на территории которого она находится. Следовательно, состав прихожан находится в сильной зависимости как от характера учреждения, так и от его размеров. Во-вторых, общее число прихожан домовых церквей оказалось незначительным по сравнению с числом прихожан церквей приходских. Для доказательства этого нами были собраны данные из всех клировых ведомостей всех храмов (и приходских, и домовых) Замоскворецкого сорока за 1904, 1907 и 1913 годы. Сводная таблица представлена ниже[40].

40. Данные за 1904 год собраны из: ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 1, 2, 3.

Год	Тип	Число церквей	Число прихожан	Среднее	Мин.	Кварт. 1	Медиана	Кварт. 3	Макс.
1904	прих.	41	47410	1156	265	521	1078	1444	3478
1904	дом.	20	4091	292	3	113	162	269	1399
1907	прих.	41	43230	1054	277	568	920	1244	3495
1907	дом.	20	4789	282	3	105	180	274	1377
1913	прих.	41	38799	946	291	544	794	1097	3154
1913	дом.	20	4712	277	16	128	194	370	1065

Из этой таблицы видно, что 32% церквей Замоскворецкого сорока являлись домовыми. Однако на них приходилось лишь около 8% общего числа прихожан в 1904 году и около 10% — в 1907 и 1913 годах. Кроме того, шесть домовых церквей в 1904 году сдали клировые ведомости с пустым разделом «О прихожанах...». В 1907 и 1913 годах таких было три (описательные статистики считались только по заполненным ведомостям). Среднее число прихожан домовой церкви в 3-4 раза ниже среднего числа прихожан приходских церквей. Медианное — в 4-6 раз. То же можно сказать и обо всех остальных значениях. Поэтому подходить к составу прихожан домовых и приходских церквей как к однородным явлениям было бы ошибкой. В связи с этим, когда мы находили соотношение между общим числом жителей и числом церквей, было решено не включать в подсчет домовые церкви вовсе; но принимать во внимание, что найденное гипотетическое среднее числа прихожан на один храм можно представить на 9-10% процентов меньше — т. е. на то число, которое приходится на домовые церкви. Отметим также, что общее число прихожан приходских церквей Замоскворецкого сорока сократилось за промежуток времени между 1904 и 1913 годами на 18%. Существование тенденции на снижение числа прихожан будет подтверждаться и на выборочных данных.

После этих предварительных замечаний можно перейти непосредственно к рассмотрению выборок. Таблица ниже демонстрирует описательную статистику, полученную по собранным нами данным о прихожанах московских церквей за 1897, 1907 и 1913 годы.

Год	Выборка	Среднее	Ст. откл.	Мин.	Кварт. 1	Медиана	Кварт. 3	Макс.
1897	92	1044	559	134	642	966	1308	3182
1907	86	932	622	170	453	843	1115	3495
1913	85	929	770	90	465	705	1048	5323

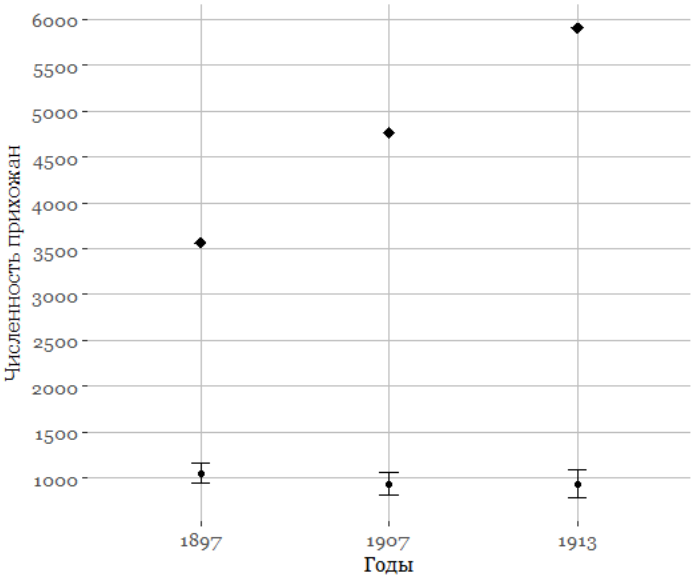
Из этих данных видно, что на промежутке между 1897 и 1913 годом среднее число прихожан снизилось незначительно — на 11%. Однако выборочные данные распределены не нормально — в каждой из выборок присутствует по четыре значения, которые отличаются от среднего больше чем на два стандартных отклонения — т. е. являются выбросами. Поэтому имеет смысл обратить внимание на изменение медианных значений — за рассматриваемый промежуток времени произошло снижение на 27%. Далее необходимо проверить, существуют ли статистически значимые различия между данными, полученными из ведомостей, за каждый из этих годов. Для корректности подсчета мы сократили объем выборок до 73 единиц в каждой, чтобы они получились парными. Затем был применен тест Фридмана. Его результаты — демонстрирующие наличие значимых различий — а также результаты апостериорного теста Неменьи — показывающие, между какими именно парами выборок присутствуют различия — представлены в таблице ниже. Результаты говорят о том, что статистически значимо различаются пары выборок за 1897 и 1907 годы, а также за 1897-й и 1913-й.

Значение критерия Фридмана	Df	p-value
34,51	2	< 0,001
p-уровни значимости теста Неменьи		
	1897	1907
1907	< 0,001	-
1913	< 0,001	0,19

Затем нужно проверить, насколько средние значения по нашим выборкам отличаются от гипотетического среднего значения числа прихожан на одну церковь. Выше мы рассчитали только одно такое значение для 1897 года — оно составило 3564 человека на один храм. В 1907 году общее число жителей, согласно краткому исчислению, составило 1 359 900 человек[41]. Данные за 1913 год отсутствуют, но есть цифры за 1912 и 1914 годы (1 617 200 и 1 754 900 человек соответственно)[42]. Поэтому в качестве общего числа жителей Москвы за 1913 год было принято среднее значение этих двух дат — 1 686 050 человек. Отметим, что за указанный промежуток времени 1897–1913 годов прирост населения был строго возрастающим и в сумме составил около 650000 человек, где соотношение между миграционным и естественным приростом можно приблизительно представить как 70:30. Поскольку мы владеем только данными об общем числе жителей, у нас нет возможности рассчитать, какую долю составляли москвичи православного вероисповедания старше десяти лет, жившие в пределах городской черты, в общем массиве православного населения в 1907 и 1913 годах. В качестве допущения было принято, что доля населения, обладающая интересующими нас признаками, могла оставаться в относительном выражении неизменной на всем промежутке времени между 1897 и 1913 годами включительно. Как мы указали выше, в 1897 году эта доля равнялась 76% от общего числа жителей Москвы и ее пригородов. Соответственно, можно получить следующие значения: в 1907 году ту же долю населения составили в абсолютном выражении 1 033 524 человека, в 1913 году — 1 281 398 человек. Поскольку установлено, что число приходских храмов оставалось неизменным, то мы получим такие цифры: в 1907 году отношение между общим числом жителей и числом приходских храмов составило 4762 человека на один храм, в 1913-м — 5905 человек. График ниже показывает средние значения наших выборок с 95% доверительных интервалов. Ромбами отмечены гипотетические средние значения — т. е. отношения между общим числом жителей и числом приходских храмов за 1897, 1907 и 1913 годы.

41. *Гаврилова И.Н.* Население Москвы: исторический ракурс. С. 416.

42. Там же.

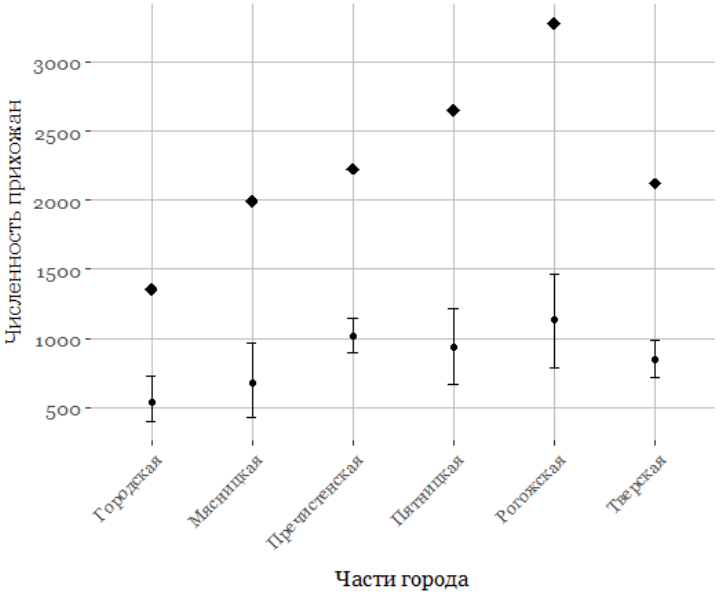
В таблице ниже конкретизированы значения 95% доверительных интервалов средних значений выборок.

Год	Нижняя граница	Среднее	Верхняя граница
1897	928	1044	1160
1907	798	932	1065
1913	763	929	1095

Какие-либо статистические тесты здесь были бы пустой формальностью — столь сильно разнятся средние значения выборок с гипотетическими средними. Так, цифра, полученная по выборке ведомостей за 1897 год, равна 30% от гипотетической средней; то же соотношение за 1907 год равно 17%, за 1913 год — 15%[43]. Поскольку данные переписи 1897 года позволяют выяснить соотношение числа жителей с числом приходских храмов по отдельным частям города, можно увидеть, насколько сильно разнятся средние значения выборок с гипотетическими средними по отдель-

43. Понижающая поправка на возможное число прихожан домовых церквей мало меняет общую картину. Гипотетические средние минус 10% от их значения будут выглядеть после этой поправки следующим образом: 1897 год — 3207 человек на одну церковь; 1907 год — 4285 человек; 1913 год — 5314 человек. В таком случае, соотношения выборочных средних с гипотетическими за эти же годы будут составлять 32%, 21% и 17% соответственно.

ным районам. Для этого были отобраны те районы, храмы которых представлены в выборке числом больше трех. График ниже иллюстрирует получившиеся соотношения тем же способом, что и предыдущий.

В таблице ниже конкретизированы значения 95% доверительных интервалов средних значений выборок. Также указано процентное соотношение между средними значениями — выборочными и гипотетическими.

Часть	Нижняя граница	Среднее	Верхняя граница	Гипотетическое среднее	Процентное соотношение
Городская	217	541	866	1354	40%
Мясницкая	321	678	1034	1994	34%
Пречистенская	878	1020	1163	2226	45%
Пятницкая	595	939	1283	2652	35%
Рогожская	666	1137	1609	3275	34%
Серпуховская[44]	–	1597	–	9908	16%
Тверская	693	845	997	2118	39%
Якиманская	–	1116	–	2614	42%

44. По Серпуховской и Якиманской частям Москвы была получена полная выборка.

Из таблицы видно, что процентные соотношения по отдельным районам не сильно отличаются от того же соотношения по общей выборке, за 1897 год, в среднем составляя 35%. Однако разброс значений достаточно высок, поэтому встает вопрос, какие факторы могли его обусловливать. Мы предположили, что эти факторы должны быть так или иначе связаны либо с пространственным расположением храмов в городе, либо с плотностью населения тех районов, где они находились. Поскольку территория Москвы исторически развивалась концентрично, плотность расположения храмов в центральных районах города значительно выше, чем в окраинных, а дистанция между ними, соответственно, ниже. Исходя из этого, была сформулирована гипотеза, что число прихожан должно было находиться в прямой зависимости от трех факторов: расстояния от храма до центра города; расстояния между ближайшими церквями; плотности населения. Для проверки этой гипотезы была составлена регрессия с тремя количественными предикторами, где расстояния были рассчитаны при помощи сервиса Яндекс.Карты (измерялись в метрах), а данные о плотности населения (измеренные числом людей, приходящихся на 1000 кв. саженей) были взяты из таблиц переписи 1897 года[45]. Объем выборки пришлось уменьшить на четыре единицы (представляющие собой выбросы), чтобы распределение зависимой переменной удовлетворяло требованию нормальности[46]. Помимо этого, была проведена проверка на взаимную корреляцию предикторов, в ходе которой сильной взаимосвязи между ними обнаружено не было[47]. Также проверялось постоянство дисперсии случайных ошибок модели — т. е. однородность наблюдений[48].

Результаты анализа представлены в таблице ниже. Коэффициентам регрессии соответствует значение коэффициентов Стью-

45. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. XXIV. Тетрадь 1. С. 1.

46. После удаления выбросов p-уровень значимости теста Шапиро — Уилка оказался равен 0,34.

47. Максимальный показатель коэффициента вздутия дисперсии (VIF) составляет 2,4 для переменной «Расстояние до центра города».

48. Результаты теста Бройша — Пагана, говорящие об относительном постоянстве дисперсии случайных ошибок, выглядят следующим образом:

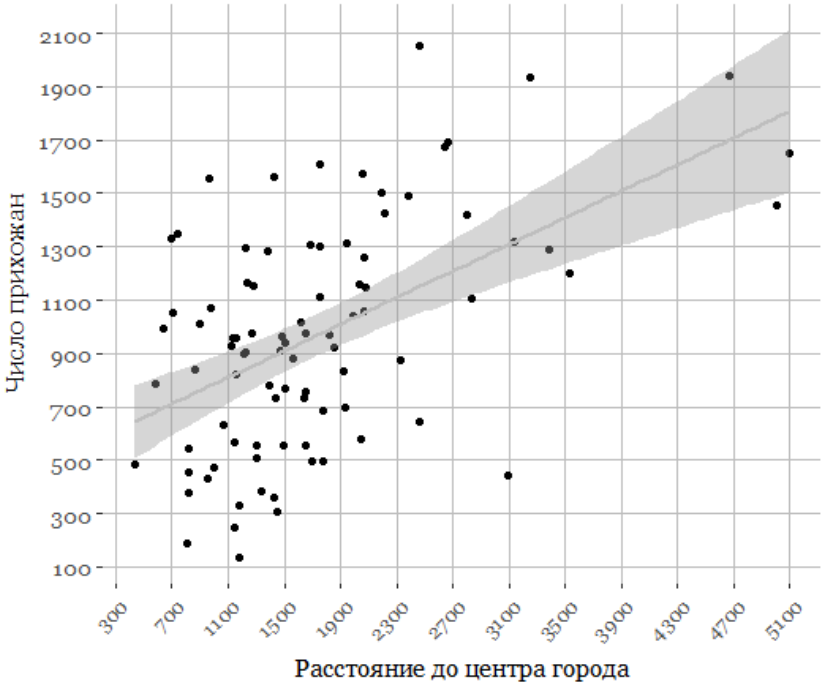
Значение критерия	df	p-уровень значимости
2,14	3	0,54

дента (в скобках), исходя из которых можно получить представление о степени значимости предиктора.

Предикторы	Общее число прихожан	р-уровень значимости
Константа	726,37 (3,39)	0,001
Расстояние до центра города	0,18 (2,56)	0,011
Интервал между храмами	0,17 (0,99)	0,32
Плотность населения	-1,44 (-0,8)	0,42
Число наблюдений	88	
R^2	0,287	
R^2 (исправленный)	0,262	
Значение критерия Фишера	11,3 (df = 3; 84)	< 0,001
Остатки модели		

Мин.	Кварт.$_1$	Медиана	Кварт.$_3$	Макс.
-759,3	-306,1	17,7	273,6	875,8

Из трех предикторов значимым оказался только один — расстояние до центра города. Однако значение коэффициента детерминации модели только с этим предиктором составило лишь 0,26. Это говорит о том, что большая часть разброса значений объясняется каким-то иными причинами, которые нам ухватить не удалось. Может, на число прихожан влияли личность настоятеля храма, наличие в храме особо почитаемых реликвий, общая известность церкви — это не было выяснено (вряд ли это можно сделать какими-либо формальными методами). Диаграмма ниже иллюстрирует, насколько велик разброс числа прихожан по выборке ведомостей за 1897 год. В данном случае о наличии выраженной линейности взаимосвязи говорить не приходится. Регрессионный анализ также показал отсутствие влияния на распределение выборочных данных фактора районной принадлежности храма (ведь плотность населения считалась именно по городским частям). Это может служить еще одним аргументом в пользу того, что приходской учет вряд ли можно воспринимать как адекватное отражение постоянного наличного населения той территории, где находилась приходская церковь.

Заключение

На основе собранных выборок исповедных и клировых ведомостей за 1897, 1907 и 1913 годы мы попытались выяснить соотношение числа прихожан московских церквей, бывших у исповеди и причастия, с общим числом православного населения города и отдельных его частей; а также проследить это соотношение в динамике. Нами были получены следующие результаты. Во-первых, между выборками за 1897–1907 и 1897–1913 годы существуют значимые различия в сторону понижения числа прихожан. Во-вторых, если в абсолютном отношении среднее число прихожан московских церквей снизилось не слишком значительно (на 11%; в то время как медианное понизилось на 27%), то относительно общего числа москвичей православного исповедания старше десяти лет — т. е. тех людей, которые могли и должны были хотя бы раз в течение года прийти на исповедь и причастие — снижение выглядит весьма заметным: с 30% до 15%, если отталкиваться от средних значений выборок. Причина такого значительного различия в относительных значениях состоит

в том, что население Москвы за промежуток 1897–1913 гг. выросло приблизительно на 62%, в то время как число прихожан снижалось. В-третьих, выборки по отдельным частям города (было рассмотрено восемь частей) за 1897 год приблизительно совпадают с подсчетами, полученными по городу в целом за то же время. В среднем доля прихожан, бывших в 1897 году на исповеди и у причастия в церквях этих районов, от общего числа православного населения составляла от 16% до 45% со средним значением в 35%. Выборка по городу в целом показала то же соотношение равным 30%. В-четвертых, установлено, что исповедный учет не мог адекватно отражать наличное население той территории, на которой располагался приход. Помимо соображений общего характера, об этом говорят как выборочные данные, полученные по отдельным частям города, так и данные об общем числе прихожан некоторых районов, где выборка совпала по объему с генеральной совокупностью. К выводам работы также следует отнести и то, что нам не удалось выявить, какой фактор оказывал существенное влияние на разброс числа прихожан московских церквей.

Ни объем статьи, ни ее замысел, не позволяют подробно разбирать гипотезы, что именно могло повлиять на такое сильное снижение числа прихожан. Может, сыграло свою роль отпадение людей от православия, начавшееся с 1905 года. Хотя оно затронуло прежде всего те области, где существовала на протяжении столетий сильная оппозиция официальному православию — западные и юго-западные границы империи, а также Поволжье и Приуралье. В традиционно православной Москве, где единственную серьезную оппозицию официальной церкви составляло старообрядчество, вряд ли эти тенденции были столь же сильны. Кроме того, и до утверждения свободы перехода в другие вероисповедания у лиц, принадлежащих к православной церкви, была возможность не приходить в течение года на исповедь и причастие, не опасаясь последствий. Поэтому вряд ли отмена вероисповедных ограничений могла оказать серьезное влияние на изменение числа прихожан. Можно также предположить, что революционные события и общее брожение в обществе не обошли стороной аспект религиозной практики в бытовом укладе москвичей — в литературе по этому вопросу собрано достаточное количество свидетельств современников на эту тему. Неизвестно, как могли повлиять на исповедный учет изменения в законодательстве, последовавшие за указом «Об укреплении начал

веротерпимости». Во всяком случае, общее содержание ведомостей и методика составления не претерпели никаких изменений за этот период, кроме введения усовершенствованных типографских бланков. Подробное изучение этой проблемы в любом случае не может быть ограничено лишь сопоставлением количественных данных, и должно включать в себя как минимум исследования отчетов представителей органов власти, а также свидетельств современников.

Библиография / References

Архивные материалы

Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы).

Ф. 203 (Московская духовная консистория).

Ф. 1371 (Канцелярия епископа Серпуховского).

Ф. 2121 (Церкви Замоскворецкого сорока).

Ф. 2122 (Церкви Ивановского сорока).

Ф. 2123 (Церкви Китайского сорока).

Ф. 2124 (Церкви Никитского сорока).

Ф. 2125 (Церкви Пречистенского сорока).

Ф. 2126 (Церкви Сретенского сорока).

Законодательные акты

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. (ПСЗРИ(1)). Т. 5. 1713–1719. Т. 6. 1720–1722. Т. 26. 1800–1801. СПб., 1830.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. (ПСЗРИ(3)). Т. 25. 1905. Т. 26. 1906. СПб., 1908, 1909.

Свод законов Российской империи / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Т. XIV. Раздел 1. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1912.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / под ред. Н.С. Таганцева. СПб, 1908.

Устав о предупреждении и пресечении преступлений с разъяснениями по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. М., 1879.

Литература

№ 57, преосвященного Владимира, митрополита Московского // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Часть вторая. М.: Издательство Крутицкого подворья, 2004. С. 383–412.

Александровский М. Указатель московских церквей. М., 1915.

Алексеева Н.В. Формирование законодательной базы в России при попытке установления контроля над церковной исповедью в XVIII в. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 2(1). С. 23–26.

Андреева Л.А. Феномен религиозного индифферентизма в Российской империи // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 114–124.

Беглов А.Л. Делопроизводство православного прихода Российской империи в конце XIX — начале XX в.: социальный аспект // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. № 6(39) [http://history.jes.su/s207987840001170-6-1, доступ от 06.07.2018].

Беглов А. Практика причащения православных прихожан советской эпохи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4. С. 34–59.

Гаврилова И.Н. Население Москвы: исторический ракурс. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2001.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.

Кузнецов С.В. Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XIX веках: Этнографические исследования и материалы / О.В. Кириченко, Х.В. Поплавская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.М. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2002. С. 156–178.

Миронов Б.Н. Исповедные ведомости — источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII — первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XX. Л.: Наука, 1989. С. 102–117.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. XXIV (Город Москва), в 2-х тетрадях / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1901, 1904.

Погодаева И.А. Исполнение долга исповеди и причастия в Иркутске в XIX в. // Конфессии народов Сибири в XVII — начале XX в.: развитие и взаимодействие / Материалы Всероссийской научной конференции (3–4 февраля 2005 года). Иркутск, 2005 [http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/sb-confess/2_6.html, доступ от 06.07.2018].

Пулькин М.В. Таинство покаяния: проблемы осуществления в XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 2(4). С. 134–144.

Сарафанов Д.Е. Опыт сравнительного анализа материалов церковно-приходского и административного учетов населения (на примере населения Барнаула в XIX в.) // Демоскоп Weekly. №295 [http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0295/analit03.php, доступ от 06.07.2018].

Archival materials

Central State Archive of Moscow

F. 203 (Moscow ecclesiastical consistory)

F. 1371 (Chancellery of bishop of Serpukhov)

F. 2121 (Churches of Zamoskoretskiĭ sorok)

F. 2122 (Churches of Ivanovskiĭ sorok)

F. 2123 (Churches of Kitaĭskiĭ sorok)

F. 2124 (Churches of Nikitskiĭ sorok)

F. 2125 (Churches of Prechistenskiĭ sorok)

F. 2126 (Churches of Sretenskiĭ sorok)

Enactments

Mordukhai-Boltovskii, I.D., ed. (1912) *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. T. XIV. Razdel 1. Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestuplenii* [The Code of Laws of the Russian Empire. Vol. XIV. Division 1. The Charter on the prevention and suppression of crimes]. Saint-Petersburg.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 5. 1713–1719. T. 6. 1720–1722. T. 26. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The first collection. Vol. 5. 1713–1719. Vol. 6. 1720–1722. Vol. 26. 1800–1801]. Saint-Petersburg, 1830.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e. T. 25. 1905. T. 26. 1906. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The third collection. Vol. 25. 1905. Vol. 26. 1906.]. Saint-Petersburg, 1908, 1909.

Tagantsev, N.S., ed. (1908) *Ulozhenie o nakazaniiakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1885 goda* [The Code of criminal and corrective penalties 1885]. Saint-Petersburg.

Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestuplenii s raz"iasneniiami po resheniiam kassatsionnykh departamentov Pravitel'stvuiūshchego Senata [The Charter on the prevention and suppression of crimes with explanations for the decisions of the cassation departments of the Senate]. Moscow, 1879.

Literature

"№ 57, preosviashchennogo Vladimira, mitropolita Moskovskogo" ["№57, by Right Reverend Vladimir, Metropolitan of Moscow"], in *Otzyvy eparkhial'nykh arkhiereev po voprosu o tserkovnoi reforme. Chast' vtoraia*, pp. 383–412. Moscow: Izdatel′stvo Krutitskogo podvor′ia, 2004.

Aleksandrovskii, M. (1915) *Ukazatel' moskovskikh tserkvei* [Index of Moscow churches]. Moscow.

Alekseeva, N.V. (2013) "Formirovanie zakonodatel′noi bazy v Rossii pri popytke ustanovleniia kontrolia nad tserkovnoi ispoved′iū v XVIII v." [Formation of legislative framework in Russia while attempting to establish control over a church confession in the XVIII century], *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* 2(1): 23–26.

Andreeva, L.A. (2008) "Fenomen religioznogo indifferentizma v Rossiiskoi imperii" [The phenomenon of religious indifferentism in the Russian Empire], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 4: 114–124.

Beglov, A. (2015) "Deloproizvodstvo pravoslavnogo prikhoda Rossiiskoi imperii v kontse XIX — nachale XX v.: sotsial′nyi aspect" [The Records of the Orthodox Parish of the Russian Empire in the Late 19th — Early 20th Century: Social Aspect], *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"* 6(39) [http://history.jes.su/s207987840001170-6-1, accessed on 06.07.2018].

Beglov, A. (2012) "Praktika prichashcheniia pravoslavnykh prikhozhan sovetskoi ėpokhi" [Taking the Holy Communion in Soviet Era: Practices of the Russian Orthodox Laity], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 3-4: 34–59.

Durkheim, E. (1996) *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society, translated from French]. Moscow: Kanon.

Freeze, G. (2014) "Dechristianization in Holy Rus? Religious Observance in Vladimir Diocese, 1900–1913", in Coleman H.J. (ed.) *Orthodox Christianity in Late Imperial Russia: A source book on lived religion*, pp. 208–228. Bloomington: Indiana University Press.

Freeze, G. (1996) "Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia", *The Journal of Modern History* 68(2): 308–350.

Gavrilova, I.N. (2001) *Naselenie Moskvy: istoricheskii rakurs* [The population of Moscow: historical perspective]. Moscow: Izdatel′stvo ob"edineniia "Mosgorarkhiv".

Kuznetsov, S.V. (2002) "Pravoslavnyi prikhod v Rossii v XIX v.", in *Pravoslavnaia vera i traditsii blagochestiia u russkikh v XVIII–XIX vekakh: Ėtnograficheskie issledovaniia i materialy* ["Orthodox parish in Russia in the XIX century", in

Orthodox faith and traditions of piety among Russians in the XVIII–XIX centuries: Ethnographic studies and materials], pp. 156–178. Moscow: Nauka.

Mironov, B.N. (1989) "Ispovednye vedomosti — istochnik o chislennosti i sotsial'noi strukture pravoslavnogo naseleniia Rossii XVIII — pervoi poloviny XIX v.", in *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. T. XX*. ["Confession lists — a source on the amount and social structure of orthodox population of Russia in the XVII — the first half of the XIX centuries", in *Auxiliary historical disciplines. Vol. XX*], pp. 102–117. Leningrad: Nauka.

Pogodaeva, I.A. (2005) "Ispolnenie dolga ispovedi i prichastiia v Irkutske v XIX v.", in *Konfessii narodov Sibiri v XVII — nachale XX vv.: razvitie i vzaimodeistvie* ["A fulfillment of the duty of confession and communion in Irkutsk in the XIX century", in *Confessions of Siberian peoples, traditions and interaction*], [http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/sb-confess/2_6.html, accessed on 06.07.2018].

Pul'kin, M.V. (2010) "Tainstvo pokaianiia: problemy osushchestvleniia v XVIII — nachale XX v. (po materialam Olonetskoi eparkhii)" [The sacrament of confession: problems of implementation in the XVIII — beginning of the XX centuries (a case study of Olonets diocese], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* 2(4): 134–144.

Sarafanov, D.E. (2007) "Opyt sravnitel'nogo analiza materialov tserkovno-prikhodskogo i administrativnogo uchetov naseleniia (na primere naseleniia Barnaula v XIX v.)" [A comparative analysis of materials of parochial and administrative censuses of the population (in the case of the population of Barnaul in the XIX century)], *Demoskop Weekly*. №295 [http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0295/analit03.php, accessed on 06.07.2018].

Troinitskii, N.A., ed. (1901, 1904) *Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii. T. XXIV* [The First Russian Imperial Census. Vol. XXIV (Moscow), in two papers]. Saint-Petersburg: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del.